

ПЕРЕЛОМНЫЙ ГОД: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ. ШАНС ДЛЯ КАРДИНАЛЬНОГО ОБНОВЛЕНИЯ

2014-й войдет в историю России как время, во-первых, ужесточения внешнеполитического курса и, во-вторых, возможно, начала смены вех во внутренней и экономической политике. Изменение внешней политики было почти неизбежным. Оно рискованно, но потенциально плодотворно и для страны, и для мира. Изменение тона и сути взаимоотношений с Западом, его реакция, санкции должны заставить российскую элиту заняться внутренним возрождением. Если его не последует, высокое качество и твердость дипломатии не спасут Россию от отступления с позиций третьей мировой державы на более периферийные роли. А может привести и к тяжелому провалу. Анализ причин нынешней конфронтации показывает, что она будет глубокой и долгой. Она не станет копией предыдущей «холодной войны». В нынешней больше геополитики, раньше тщательно скрывавшейся, меньше идеологии, больше информационной составляющей и экономики, но меньше прямого военного противостояния. Хотя дело может дойти и до непосредственных столкновений.

Сергей КАРАГАНОВ, почетный председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, член Научного совета Франко-российского аналитического центра Обсерво.

РОССИЙСКИЕ МОТИВЫ

Суть новой российской политики изложена Владимиром Путиным в нескольких речах. Прежде всего – на церемонии воссоединения с Крымом (март) и на Валдайском форуме (октябрь). Постараюсь дать свое понимание движущих сил решительных и жестких действий Москвы, политики Запада и, опираясь на него – предложить прогноз развития ситуации.

Конфронтация с Западом во многом была predetermined. Она стала реакцией на его политику. К тому же к ней по разным причинам открыто или полуосознанно стремились все. И она случилась.

Ее важнейшая причина – отказ Запада признать за Россией то место в европейской и мировой политике, которое она считает для себя естественным и законным. Запад пытался проводить, отказываясь это признать, линию победителя, де-факто версальскую политику, хотя и в «бархатных перчатках», без прямых аннексий и контрибуций. Но систематически ограничивая свободу, сферы влияния и рынки России и, наоборот, расширяя зону своих интересов – политического и военного контроля через расширение НАТО, политического и экономического через расширение Евросоюза. Обман следовал за обманом. Один из последних – обещания, что государства, входившие в эту новую зону, должны успокоиться и стать более конструктивными в отношении России. Произошло обратное: элиты стран-новичков, особенно Польши и Балтии, стали более враждебными и усиливали антироссийские настроения и в НАТО, и в ЕС.

«Холодную войну» объявили оконченной, но ее худшие элементы, в частности даллесовское «отбрасывание» – тогда коммунизма, а теперь вполне некоммунистической России – возобновилось. Хотя многие из тех, кто проводил эту политику, напрочь отрицали, иногда даже для себя, ее наличие.

К 2007 г. дело дошло до конкретных планов вступления в НАТО Украины. А это означало бы создание для России абсолютно неприемлемой ситуации в области безопасности – 2 000-километровая незащищенная граница с Североатлантическим альянсом. НАТО хоть и оставалась в военном отношении относительно неэффективной, доказала в первое пятнадцатилетие после формального окончания «холодной войны», что

если этот союз не сдерживать, он быстро перерождается из оборонительного в наступательный. Два нападения на Югославию – особенно вопиющее в 1999 г., нападение США с группой союзников на Ирак, затем война против Ливии... Все это убедило подавляющее большинство даже прозападных представителей российской элиты, что экспансию альянса надо останавливать. Как и всю логику политики Запада после «холодной войны», когда он пытался диктовать правила игры или, наоборот, «игру без правил».

В Мюнхене Путин постарался донести нежелание России следовать этой логике. Его снова предпочли не услышать. Была даже предпринята попытка «втихую» принять в НАТО Украину. Ее провалили, в том числе и часть европейцев, которых втягивали в этот гамбит вслепую. Описанной логике был нанесен удар, когда Россия разгромила грузинскую армию, которая вторглась в Южную Осетию и перебила там российских миротворцев.

Но через несколько лет игра в расширение возобновилась. Теперь она, правда, проводилась не в наступательном варианте, как прежде, а в арьергардном для европейцев или контраст наступательном – для американцев – в надежде доказать, что Запад не проигрывает. В этом во многом было содержание экономически бессмысленной ассоциации с ЕС, в которую втягивали Украину и за которой снова замаячило расширение НАТО. Последнее и стало главной причиной кризиса вокруг Украины.

Полагаю, что многим в российской элите, кому подспудно, а кому и осознанно, этот кризис был нужен также для того, чтобы оправдать бездействие последних 6–7 лет, когда страна, имея ресурсы и благоприятную конъюнктуру, фактически отказалась от реформ и, лениво поругиваясь и побалтывая про модернизацию, погружалась в стагнацию, угрожающую откатом назад. Кому-то – чтобы усилить свои позиции во властных структурах. Кому-то, хотя об этом говорят меньше всего, чтобы заставить самих себя и людей вокруг «национализироваться», т.е. перестать бездельничать, вывозя и тратя сворованное или нажитое за рубеж, а заняться национальным развитием или избавляться от тех, кто этой «национализацией» заниматься не хочет и не может.

Полагаю, что за сознательным обострением Россией вялотекущей конфронтации стояло и понимание, что при векторе внутреннего

экономического развития, уверенно указывавшего, по крайней мере года на три-четыре, вниз, страна, даже повернувшись к Азии, не могла бы рассчитывать на выгодные позиции там, оставляя за спиной уязвимый западный фланг. А попытки сделать его опорой и тылом провалились. Европа не захотела или не смогла создать континентальный союз, предлагавшийся Россией то в виде новой системы евробезопасности, то в виде Союза Европы – единого человеческого, энергетического и экономического пространства от Лиссабона до Владивостока.

К твердому курсу на отстаивание своих интересов подталкивал Россию и анализ основных мировых тенденций. Длительное замедление мировой экономики предопределяло и рост радикализма, и попытки решения внутренних проблем за счет внешних эскапад. Крупнейшая держава современного мира, отступая де-факто, взяла курс на дестабилизацию в ряде регионов или просто проводит некомпетентную и нерациональную политику. Вакуум безопасности в Восточной и Юго-Восточной Азии расширяется. Ближний Восток вступил в эпоху бурной дестабилизации. За туманом слов о новом либеральном мировом порядке все отчетливее проступала ренационализация международных отношений, их возвращение к геополитике прошлых веков. Институты же и правила глобального управления слабеют или отстают от потребностей нового мира.

Даже экономическая глобализация начала давать ощутимые сбои. Усугубилась тенденция к созданию полузакрытых экономических блоков. При этом, увидев, что глобализация начала приносить выгоды прежде всего конкурентам, создавший ее Запад начал отходить от нее. Тенденция усилилась после введения в действие политики санкций против России. Они, видимо, нанесут ВТО такой же непоправимый ущерб, какой нанесло Лиге Наций нападение Италии на Абиссинию.

Принципы отказа от силы, упора на компромисс, учет интересов до известной степени соблюдался лишь внутри Евросоюза. Но вовне и ЕС, и НАТО вели себя вполне в традиционном духе, пытаясь расширить зону влияния и контроля. Если можно – «мягкой силой», распространением правил, примером. Если нужно, «полужесткой» – экономическим давлением. А то и просто военными средствами – как в Югославии или Ливии.

АМЕРИКАНСКИЕ КОРНИ

Целый комплекс причин нынешней конфронтации связан с Америкой. Достигнув к началу 2000-х гг., как казалось, самых прочных мировых позиций, США затем резко провалились из-за двух бездарных военных операций, затеянных на волне головокружения от успехов и проигранных, – в Ираке и Афганистане. И из-за обнажившихся слабостей политической системы, а также явного ослабления привлекательности экономической модели в результате кризиса 2008–2009 гг. И, наконец, главное – из-за появления соблазнительной для многих стран и народов альтернативной модели более или менее авторитарного или полудемократического капитализма. Символом ее стали страны БРИКС и, в первую очередь, Китай. Представляя большинство человечества и будущее, пока во всяком случае, они стали занимать все более независимые, а то и просто антизападные позиции. А тут флагманом выступила возродившаяся почти из пепла Россия, разочаровавшаяся в надеждах стать частью Запада. Да еще неуязвимая в военном отношении, обладающая мастерской дипломатией и возглавляемая лидером, который в нынешнем мире воспринимается самым сильным. А ведь какие-то пятнадцать лет назад Россия униженно просила подаяния и, поартачившись, всегда уступала.

Барак Обама пришел с мандатом на внутреннее возрождение. Экономическое частично происходит. Но не удалось объединить глубоко расколотую элиту. Большая ее часть требовала прежнего имперского миссионерского курса, восстановления внешнеполитических позиций, обрушившихся за прошедшее десятилетие. И постепенно американский президент начал дрейфовать к традиционалистам. Одним из объединителей истеблишмента оказался незатихший антисоветизм-антирусизм. Тем более что и Москва, потерявшая за прошлые годы всякое доверие к США, не особенно старалась наладить отношения. Перезагрузка, нацеленная со стороны Соединенных Штатов на то, чтобы ублажить и нейтрализовать Россию в момент американской слабости, не решала коренных проблем. И она была обречена.

Во враге нуждались обе стороны. Возможно, Россия даже больше. И когда часть американской элиты, используя безысходность ситуации на

Украине, помогла вместе с европейскими подручными организовать там кризис, а Москва ответила сверхжестко, просвещенная и постмодернистская администрация Обамы сняла с полки планы времен администрации Рейгана по развалу СССР. Тогда была Польша с «Солидарностью» и почти неизбежным вводом советских войск, от которого спас Войцех Ярузельский. Теперь Украина. В ту пору – попытки сорвать строительство газопроводов и нефтепроводов, сейчас – интриги вокруг «Южного потока», попытки уменьшить газовую взаимозависимость России и Европы. Снова попытка снизить нефтяные цены. В 1983 г. истерия вокруг южнокорейского «Боинга», в 2014 г. – вокруг сбитого неизвестно кем малайзийского. В рейгановские времена «империя зла» и санкции. Теперь – безудержная сатанизация образа Путина и нескрываемая нацеленность либо на верхушечную «смену режима», либо на подъем народного недовольства. Стремление построить союзников в шеренгу.

Похоже, эта линия переживет Обаму. Ее цель не только и даже не столько наказать Россию. Главное – попытаться, нанеся поражение России, остановить рост влияния и смелости «не-Запада» и, прежде всего, Китая.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРИЧИНЫ

Европейские мотивы в этой новой конфронтации сходны, но и отличны от американских. Если для Соединенных Штатов столкновение вокруг Украины – хотя и важная, но часть геополитической игры по восстановлению утраченных позиций и недопущению усиления соперников, то для Европы на кону будущее самого интеграционного проекта. В Европе, как и в США, росла обеспокоенность подъемом не-Запада, раздражение возродившейся уверенностью и даже высокомерием России, которая совсем недавно вроде бы была готова стать младшим учеником. Настораживала и готовность Москвы отстаивать старые европейские ценности – христианство, семью, государство, национализм, суверенитет, которых придерживается все еще большинство европейцев, в то время как элита их отбрасывает или пытается перерасти, оставить в прошлом.

Но основная причина: весь европейский проект начал трещать по швам. Большинство стран Европы, кроме немцев и части северян, больше не хотят

работать так, чтобы эффективно конкурировать в новом мире. Налицо длительный демографический спад, утечка мозгов, отставание в инновациях. С огромным трудом удалось купировать кризис евро, но коренные проблемы, приведшие к нему, не решены. Часть стран, поспешно принятых в ЕС, стагнируют. Привлекательность европейского проекта падает. Растут ряды евроскептиков и справа, и слева. Поднимается волна сепаратизма. В политике почти всех правительств нарастает вес краткосрочных интересов и соображений в ущерб стратегическим. При достигнутом уровне открытости выборной демократии игнорировать эти процессы или управлять ими все труднее. А открыто отказаться от нее не могут.

В этой ситуации успешная немецкая элита стала делать европейский проект все более «германским», подстраивая его под себя. Но в основе этого проекта – мирное развитие. Европа, Германия не могут и не хотят защищать свои интересы силой.

Перетягивание Киева для большинства европейцев не было приоритетом, о рисках не удосужились подумать. Надеялись виртуальным привлечением Украины через ассоциацию взбодрить самих себя, подлить молодого вина в сдувавшиеся мехи. Были, конечно, и те – в основном в Польше и Швеции, кто хотел насолить России, еще больше потеснить ее, даже отомстить за прошлые поражения или потрафить старшим американским партнерам.

Когда Россия начала открыто играть мускулами, в некоторых европейских столицах это вызвало страх, если не панику. Надеялись-то продолжить ритуальное фехтование десяти против одного, а тот вдруг отбросил рапиру и схватил оглоблю. А от битвы на оглоблях фехтовальщики отвыкли.

Эпизод пятнадцатилетней давности, когда европейцы, испугавшись югославского кризиса, призвали американцев, а те настояли на бомбежке и отторжении Косово, хотели забыть. А он вернулся сторицей. И не на балканской периферии, а почти в центре Европы. Так что если для американцев конфликт вокруг Украины – часть глобальной игры, и они, видимо, готовы его разжигать, пока не получат асимметричный ответ и/или не доведут дело до еще более острого кризиса, то для европейских и немецких элит речь идет о сохранении привычной им Европы. Иными словами, вопрос выживания этих элит. Европейцы заинтересованы в урегулировании, возвращении к мирному европейскому порядку. Для немцев – это вопрос

выживания проекта «германской Европы», который теперь почти равен самому европроекту.

Среди движущих сил кризиса налицо и взаимный интерес двух сторон Атлантики к объединению перед лицом новых конкурентов. Для европейцев – желание прислониться к более сильному. Для американцев – подтянуть союзников поближе. И главное – не допустить их сближения с Россией, которое усиливало бы всех европейцев.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ

То, что конфронтация неизбежна, было очевидно уже и в 2012 г., и, особенно, в 2013 г., когда практически любые российские действия порождали все более злобную и почти тотально негативную риторику. У России практически не оставалось побудительных мотивов вести себя конструктивно. Последние сомнения рассеялись к Олимпиаде, которой на Западе почти единодушно желали провала. А большая часть западных лидеров даже не приехала на открытие. К тому времени у аналитиков, в том числе и у меня, сложилось впечатление, что до жесткого обострения остались месяцы, если не недели.

Внешнеполитические успехи России, даже объективно выгодный всем элегантный гамбит с сирийским химическим оружием, вызывали только раздражение. Большая часть российской элиты начала понимать, что если Москва хочет проводить самостоятельную политику, естественную для страны, неизменно претендующей на статус великой державы, партнеров к этому придется приучать.

Основным полем для выработки нового *modus operandi* стала Украина. И из-за объективной ключевой важности ее территории с точки зрения безопасности России. И из-за того, что украинская элита так и не построила дееспособное государство. И из-за попыток Запада втянуть ее в зону своих интересов и контроля. Последней каплей оказалась экономически пустая, но политически дестабилизирующая ассоциация с ЕС. Отказ от подписания соглашения вылился в массовые протесты горожан против надоевшей, насквозь коррумпированной власти, привел уже к открытому вмешательству Запада, выходу на политическую арену ультранационалистических, если не

просто фашистских сил, углублению всех существующих расколов, а затем и к де-факто поддержанному Западом государственному перевороту.

После этого Москва помогла жителям Крыма, мечтавшим о воссоединении с Россией. Началась поддержка повстанцев в Юго-Восточной Украине, желающих отгородиться от нынешней киевской власти.

Россия вступает в новый этап противостояния с уменьшенной по сравнению с советским временем территорией, сократившимися активами. Но она сохранила ядерное оружие и природные ресурсы, контроль над которыми могла и утратить в период обвального ослабления 1990-х гг. При этом Россия избавилась от множества пассивов – нет необходимости массированно субсидировать соцлагерь, подавляющее большинство бывших союзных республик. И содержать чудовищную, пожиравшую страну, несуразно разросшуюся военную машину.

При всей зыбкости новой российской идентичности опора на государственный национализм гораздо мощнее, нежели на умиравшую уже с 1970-х гг. коммунистическую идею. Российская экономика еще относительно слаба. Но опора на рынок и частную собственность навсегда покончила с проблемой, которая сыграла ключевую роль в гибели СССР, – неспособностью плановой экономики накормить народ.

Кардинально улучшилась и международная среда. Советскому Союзу приходилось противостоять поднимавшемуся и превалявавшему – экономически, морально, военно-политически – Западу и, одновременно, Китаю. Союзники из соцлагеря были ненадежны, а страны «соцориентации» в третьем мире – крайне слабы и стоили дорого.

Сейчас России противостоит все еще мощный и пытающийся перейти в контрнаступление, но ослабленный и в значительной степени деморализованный своими ошибками Запад, потерявший для большинства человечества моральное превосходство и привлекательность. На стороне Москвы поднимающийся «не-Запад», составляющий большинство человечества и наиболее динамичные экономики. Не составит большого труда найти финансовые средства, альтернативные технологии, пусть и менее эффективные. Мир кардинально изменился, увеличив свободу экономических и политических действий для всех стран.

В 2014 г. беспрецедентной доверительности достигли российско-китайские отношения. Подписан газовый контракт, цены которого сильно

превышали те, вокруг которых шли затяжные переговоры. Скоро будет подписано соглашение о следующем – западном – газопроводе в Китай. И Россия получит долгожданную возможность диверсификации газового экспорта. Уменьшится зависимость от все менее надежного европейского рынка.

Пока речь идет не о замене основного клиента, а о диверсификации, отходе от невыгодной односторонней экономической ориентации. Не об отказе от европейской торговли, а о дополнении экономической взаимозависимости Европы и России, которую пытаются подорвать США, системой эффективной и выгодной взаимозависимости с азиатскими рынками. В перспективе встанет вопрос о чрезмерной зависимости от Китая. Но пока взаимозависимость явно недостаточна. А Китай нуждается в опоре на Россию, ее возможности и ресурсы не меньше, чем Россия в опоре на Китай.

Все активнее ведут себя ШОС, БРИКС, успехи которых уже не удастся замалчивать. Так в мае 2014 г. был подписан договор о создании тремя странами Евразийского экономического союза (с 1 января 2015 г. к нему присоединилась Армения, а в перспективе, вероятно, присоединятся еще две-три бывшие советские республики и, возможно, несколько государств, не входивших в СССР). Все это создает основу для серьезной экономической группировки в духе мировых тенденций, ведь мир все очевиднее распадается на торгово-экономические блоки.

Формируется и новая транспортная конфигурация, основанная на интеграции китайского экономического пояса Шелкового пути с российскими Транссибом и БАМом, Северным морским путем. Видимо, вокруг ШОС с ее вероятным расширением на Индию, Пакистан, в перспективе Иран создается новая евразийская структура со все более явным компонентом безопасности.

В 2013–2014 гг. началась, наконец, экономическая переориентация России на рынки Восточной и Юго-Восточной Азии через ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока. Хотя она замедляется необходимостью направлять ресурсы на восстановление полуразрушенной за годы в составе Украины инфраструктуры и экономики Крыма – жемчужины Российской империи и СССР. А также необходимостью поддержки пострадавшего в ходе гражданской войны юго-востока Украины.

Важнейший итог 2014 г. – готовность большинства элиты и общества бороться за интересы страны, даже если придется поступиться частью достигнутого благосостояния. Произошло объединение большей части элиты и почти подавляющей части общества вокруг президента и его политики. У элиты больше нет иллюзий в отношении партнеров или идеологических шор, зато есть огромный опыт выживания, которое произошло, как кажется многим, да и мне, почти чудом. Жесткость российской позиции обусловлена и тем, что опыт последней четверти века доказал: попытки воздействовать с помощью аргументов лишь только разжигают аппетит. Есть понимание, что речь снова идет о выживании не только правящего режима, но и страны, которую пытаются ослабить, если не развалить. Ставки многократно выше, чем у западных партнеров. Провал в такой ситуации возможен, но маловероятен. Как писал в «Войне и мире» Лев Толстой, «сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть». И, похоже, Россия решила.

Пока политика России в кризисе вокруг Украины успешна, несмотря на высокие издержки. Присоединение Крыма привело к взрыву самоуважения и патриотизма. И главное – политика на западном направлении стала активной, а не реактивной, как раньше. Именно Москва навязывает условия игры, создавая предпосылки для выгодного ей, а не только Западу нового европейского порядка.

По всем признакам российское руководство настроено на длительную борьбу. Она направлена, во-первых, на установление жесткого предела для распространения зоны западного влияния на страны и территории, которые в Москве считают жизненно важными. Во-вторых, на изменение ситуации, когда Запад в одностороннем порядке пытался определять правила международной политики. В-третьих, на достижение договоренности, закрепляющей новый европейский и мировой порядок.

Российские лидеры неоднократно заявляли, что они не стремятся к конфронтации и даже, что не отвечает национальному характеру, удерживаются от грубостей, на которые порой срываются западные, особенно американские, визави. Санкции вызывают естественные опасения у части бюрократии и буржуазии, но не способны изменить российскую линию. Есть и меньшинство, поддерживающее их в надежде досадить ненавистному режиму. Они скрыто приветствуются и частью руководящих кругов как ведущие к консолидации и национализации элит.

Никто не знает, какой средне- и долгосрочный ущерб санкции могут нанести российской экономике. Резкое падение рубля в конце 2014 г. – тревожный сигнал. Но оно имеет и позитивные результаты – улучшение на 2–4 года конкурентоспособности отечественных производителей. Но прежде всего – де-факто сокращение средних доходов в долларах/евро, росших в последние несколько лет в разы быстрее, чем производительность труда.

Варианта отступления у России практически нет, играть можно только на повышение ставок. Тем более что шанс есть. Одновременно экономики ряда европейских стран уже страдают и из-за сокращения экспорта, и, не менее, от падения краткосрочного и долгосрочного доверия к бизнесу в ситуации пока безвыходной стагнации.

При этом европейским соседям России далеко до уровня консолидации общества и элиты, которого добился Кремль. Так что основания для поиска компромисса с европейцами в среднесрочной перспективе есть. Хотя нельзя не учитывать вышеописанную глубинную, системную причину отторжения европейскими элитами жесткого поведения России. К продолжению конфронтации будут подталкивать и американцы, в ней заинтересованные. Да и ситуация на Украине продолжит подливать масла в огонь.

В сторону обострения конфронтации будут подталкивать надежды Запада на экономическую неустойчивость России. Похоже, что педалирование российской слабости, попытки усугубить ее, указания на отсутствие жизнеспособной и долгосрочной стратегии развития – ключевой элемент западной стратегии. Если российская элита, руководство и президент не будут готовы на решительные экономические реформы – даже в мобилизационном варианте, эта стратегия может стать успешной.

КУДА ДАЛЬШЕ?

Кризис такой глубины, в основе которого – коренные интересы его главных участников, вряд ли завершится в среднесрочной перспективе. Его будет подпитывать ситуация на Украине. Она, видимо, продолжит превращаться в несостоявшееся государство и может стать источником обострения либо из-за «черных лебедей» – непредвиденных катастроф,

либо из-за попыток внутренних или внешних сил усугубить конфликт. И конца этому не предвидится, если, конечно, не истощится терпение украинского народа либо страна не распадется на несколько территорий, которые возьмут под контроль внешние силы. Европейцы станут искать пути деэскалации кризиса, отхода от невыгодных санкций. Но сохранится давление американцев, стремящихся «наказать» Россию. И все это до тех пор, пока не произойдет – не дай Бог – обострения противостояния до уровня Карибского кризиса и американцы не увидят, что издержки слишком высоки или угрожают эскалацией.

Не вижу я пока и возможности серьезных уступок Москвы или нового исторического провала России. Все еще надеюсь, что конфронтация и санкции пробудят российское руководство, элиту и общество от ленивого наслаждения долгожданным после 100 лет лишений богатством или скромным консюмеризмом. Исторически русские почти никогда не просыпались, пока «петух не клюнул». Санкции нацелены на слабости страны – недоразвитость индустриальной инновационной базы, зависимость от экспорта энергоносителей и от импортных технологий в ряде ключевых отраслей, особенно в финансах. Но они же, как перст божий, указывают на необходимость ударных усилий по преодолению этих слабостей. Санкции мощно играют на процесс «национализации» элит. Если Россия не прислушается к этому «гласу божьему», не проведет ударной экономической модернизации, удача, которая последние 14 лет сопутствовала стране, отвернется от нее.

Предпосылки для решительного поворота накапливаются, появились и первые ласточки. К такому изменению внутренней экономической политики призывают почти все, кроме части действующих экономических элит, связанных с прежним, доказавшим свою неэффективность курсом.

Можно лишь сожалеть, что двадцать пять лет, прошедших со времени окончания прошлой «холодной войны», оказались потерянными с точки зрения создания новой стабильной системы глобальной и европейской безопасности. А мир оказался к началу второго десятилетия XXI в. в гораздо более нестабильном и даже в опасном состоянии, чем в поздние годы предыдущего противостояния.

Впрочем, Россия не отказывается от идеи построения Союза Европы – единого человеческого и экономического пространства между ЕС и ЕАЭС. Считает целесообразным и возвращение к нормальным российско-американским отношениям. Но на новой более стабильной и взаимоуважительной основе. Понятно, что выигрывать нужно по возможности вместе. Попытки партнеров выиграть в одностороннем порядке и привели к нынешнему кризису.